

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акрион хроники

Рей Арквел

Акрион. Хроники пепла и стали

«Автор»

2026

Арквел Р.

Акрион. Хроники пепла и стали / Р. Арквел — «Автор»,
2026 — (Акрион хроники)

АКРИОН: ХРОНИКИ ПЕПЛА И СТАЛИ Он был мечом. Он был офицером. Теперь он — месть, что принесет пепел и сталь тем, кто его создал. За его голову назначена награда. По его следу идут десять Рыцарей Стального Знамени — сильнейших воинов Империи, каждый из которых способен в одиночку уничтожить батальон. У него нет союзников. Нет друзей. Нет права на ошибку. Есть только путь — через ледяные перевалы Нордхейма, через пиратские острова Архипелага, через мёртвые пустоши Пеплоземья. Он соберёт союзников среди тех, кого Империя пыталась уничтожить. Он даст последний бой. Он найдёт, потеряет и приобретёт. Тёмное эпическое фэнтези о мести, искуплении и цене свободы.

© Арквел Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Пролог-	5
ГЛАВА 2: ТЕНИ ВЕЛЬГААРДА	7
ГЛАВА 3: КРОВЬ И ЧЕРНИЛА	10
ГЛАВА 4: ДОРОГА НА СЕВЕР	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рей Арквел

Акрион. Хроники пепла и стали

Глава 1 Пролог-

Окраина имперского тракта, западная граница бывшего Вельгаарда. Ночь. Дождь.

Дождь начался затемно — мелкий, холодный, какой бывает только в начале осени, когда земля ещё помнит летнее тепло, но ветер уже пахнет зимой. Он барабанил по черепице заброшенной почтовой станции, стекал по гнилым балкам, собирался в лужи на брусчатке старого тракта.

Человек в сером мундире лежал в одной из этих луж. Он не чувствовал холода. Он чувствовал только тепло собственной крови, которая медленно, толчками вытекала из раны в боку.

Над ним стоял Кай.

Они не виделись много лет. Тогда Кай был ребёнком, и он смотрел на своего инструктора снизу вверх — с надеждой, со страхом, с голодной детской верой в то, что взрослые знают, что делают. Теперь Кай смотрел сверху вниз, а комендант Сервин умирал на мокрых камнях, и дождь смывал кровь в щели между брусчаткой.

— Ты всё-таки пришёл, — прохрипел Сервин. Голос у него был сухой, надтреснутый — голос человека, который много лет отдавал приказы и редко говорил тихо. — Я ждал... кого-то из вас. Думал, это займёт больше времени.

Кай не ответил. Клинок в его руке был чужим — не имперским. Выкован в Свободных Землях, там, где ещё помнили вкус слов «я сам выбираю». Но рука, сжимавшая рукоять, принадлежала Империи. Пятнадцать лет муштры. Пятнадцать тысяч повторений: удар — вдох — удар — выдох.

Сервин закашлялся. На губах запузырилась кровь — розовая, пенистая. Лёгкое пробито. Жить ему оставалось несколько минут, и он это знал.

— Ты же понимаешь, — заговорил он, и в голосе его не было мольбы, только усталое, почти профессиональное любопытство, — что станет с миром, если Империя падёт? Мы остановили Резню Пяти Клинков. Мы построили дороги, больницы, школы...

— Вы построили меня, — сказал Кай.

Голос его прозвучал глухо, словно из-под земли. Сервин моргнул. Дождь усилился, забарабанил по лужам, по мундиру, по лицу умирающего, смешиваясь с кровью.

— Из украденного ребёнка, — продолжил Кай. — Вы лепили оружие, называя это сыновством. Вы дали мне кров, еду и цель. А потом вы дали мне приказы, которые превратили меня в то, чем я стал.

Сервин закрыл глаза.

— Ты был лучшим, Кай. Ты уже почти стал Рыцарем.

— Я стал клинком. И теперь клинок обернётся против кузнеца.

Кай присел рядом. Дождь стучал по его плечам, стекал по лицу. Он не чувствовал холода — он вообще редко что-то чувствовал телом. Только внутри, где-то глубоко, горел холодный огонь. Тот самый, который заставил его дезертировать, пройти триста километров по имперским тылам и найти человека, который когда-то сделал из сироты без дома и фамилии самого молодого полковника в истории империи.

— Твоя смерть — только начало. Послание для Империи. Пусть все знают: я стал свободным. И я приду за каждым из них.

Сервин открыл глаза. В них не было страха — только странное, горькое понимание. Он смотрел на Кая так, как смотрят на ученика, который превзошёл учителя в том, чему учить не следовало.

— Ты боишься, — прошептал он. — Не того, что не дойдёшь. Ты боишься, что по пути встретишь людей, ради которых захочешь жить. И тогда твоя месть станет бессмысленной. А все, кого мы убили, — просто статистикой.

Тишина. Дождь.

Где-то далеко, за пеленой дождя, прогрехотал гром. Или не гром — имперский патруль, горный обвал? Кай не обернулся.

— Поэтому я не позволю себе остановиться.

Он поднялся. Старый инструктор смотрел на него снизу вверх, и в его взгляде читалось что-то, чего Кай не ожидал. Не ненависть. Не страх. Облегчение. Словно этот разговор был последним пунктом в длинном списке дел, который он наконец-то мог закрыть.

— Когда ты дойдёшь до Архитектора, — прошептал Сервин, — скажи ему... что мы были неправы.

Кай ничего не ответил. Он шагнул в темноту, и дождь сомкнулся за его спиной.

На брусчатке остался лежать мёртвый комендант. Мокрое имперское знамя на покосившемся древке хлопало на ветру — ритмично, как сердце, которое отказывалось останавливаться.

Кай шёл в Тарн. Впереди лежали тысячи километров. Половина континента. Империя, которую он поклялся разрушить. И вопрос, который старый инструктор впечатал ему в сознание, как клеймо.

А что, если по пути ты захочешь жить?

ГЛАВА 2: ТЕНИ ВЕЛЬГААРДА

Имперский город Тарн, таверна «Железный Гвоздь». Четыре дня после убийства коменданта Сервина.

Дождь не прекращался.

Кай сидел в углу таверны «Железный Гвоздь» — заведения, куда приличные имперские граждане не заходили даже днём, а ночью обходили за квартал. Низкий потолок, пропитанный копотью, столы, сбитые из горбыля, пол, усыпанный опилками, которые не меняли, кажется, с прошлой зимы. Пахло кислым пивом, прогорклым жиром и чем-то ещё — тяжёлым, сладковатым, что бывает в местах, где люди спят, не раздеваясь, и умирают, не просыпаясь.

Здесь не задавали вопросов. Здесь не смотрели на лица. Здесь платили медью и не интересовались, откуда у человека имперский офицерский меч без знаков различия.

Кай сидел здесь третьи сутки.

Всё пошло не так на следующее утро после убийства. Он рассчитывал уйти в Пеплоземье до того, как тело коменданта найдут. Тракт в тех краях пустынный, патрули редкие — у него был запас в двое, может, трое суток. Но судьба, случай или чья-то злая воля распорядились иначе: мимо почтовой станции проезжал имперский курьер. Он заметил свет, спешил, вошёл внутрь. Через час гарнизон Тарна был поднят по тревоге.

Кай услышал сигнальные рожки, когда подходил к городским воротам. Он успел проскользнуть внутрь до того, как решётку опустили — но выйти уже не мог. Все четверо ворот перекрыты. На улицах — усиленные патрули. На столбах — свежие листовки с приметами: «Разыскивается дезертир, бывший полковник Западного фронта, рост выше среднего, волосы тёмные, особые приметы — шрам над левой бровью. Вооружён и опасен. За укрывательство — трибунал».

Портрет был скверный — имперские художники рисовали по словесному описанию, и получился собирательный образ, похожий на каждого третьего ветерана. Но шрам — шрам был настоящий.

Кай потрогал его кончиками пальцев. Память о первом бое, о первом убийстве. Тогда он ещё верил, что служит Порядку.

Таверна «Железный Гвоздь» находилась в Квартале Трёх Труб — районе, названном так из-за фабричных дымоходов, которые круглосуточно извергали в небо серый дым. Здесь жили рабочие, грузчики, отставные солдаты без пенсии, вдовы, шлюхи и те, кто не хотел, чтобы их нашли. Имперские патрули заглядывали сюда редко — не из страха, а из брезгливости. Квартал Трёх Труб был дном, а на дно имперские офицеры предпочитали не спускаться.

Хозяин таверны — толстый лысеющий мужчина по имени Грегор — взял с Кая тройную плату за ночлег и не спросил имени. Он вообще редко говорил. Его лицо носило следы старого ожога — левая половина была стянута шрамами, глаз не закрывался. Говорили, его наказали за контрабанду ещё при старом губернаторе, но подробностей никто не знал.

Кай снял каморку на втором этаже — комнатушку без окна, с продавленным тюфяком и деревянным ведром в углу. Запер дверь на щеколду, сел на тюфяк и стал ждать.

На третий день в таверну пришли солдаты.

Кай услышал их раньше, чем увидел. Тяжёлые шаги, звяканье амуниции, голоса — громкие, уверенные, какими говорят люди, у которых за спиной сила. Он сидел в общем зале, в своём углу, надвинув капюшон низко на лицо. Перед ним стояла кружка с пивом, к которой он не притронулся.

Солдат было четверо. Не легионеры — городская стража, судя по серым плащам и медным значкам на груди. Они вошли шумно, растолкали дремавшего у дверей пьяницу, оглядели зал.

— Всем сидеть! — рявкнул старший, усатый сержант с лицом человека, который давно не получал повышения и винил в этом весь мир. — Проверка документов. Имперский розыск.

Кай не пошевелился. Его документы — офицерский жетон и подорожная — были спрятаны под половицей в каморке. При себе он не носил ничего, что могло бы выдать его личность. Только меч — длинный имперский клинок, который он, уходя, не снял с пояса.

Сержант обходил зал, переходя от стола к столу. Каждый посетитель поднимал голову, получал короткий осмотр и кивок: «Следующий». Рабочие, пьяницы, две женщины в углу, старик, игравший сам с собой в кости. Обычная публика для этого места.

Он остановился перед Каем.

— Капюшон.

Кай не шевельнулся.

— Я сказал — капюшон, — повторил сержант. Рука его легла на рукоять короткого меча. Трое остальных насторожились, повернули головы.

Кай медленно поднял руки и откинул капюшон. Свет масляной лампы упал на его лицо — осунувшееся, с тёмными кругами под глазами, с трёхдневной щетиной. Шрам над бровью побелел на холоде.

Сержант всмотрелся. Сравнил с портретом на листовке, которую держал в руке. Нахмурился.

— Имя.

— Маркус, — сказал Кай. Голос был ровный, спокойный. — Отставной капрал Третьего Вельгаардского. Иду в Иствинд, ищу работу.

— Документы.

— Украли. Три дня назад, в этом квартале.

Сержант хмыкнул. В Квартале Трёх Труб кражи случались чаще, чем дождь. Его взгляд скользнул ниже, к поясу Кая, к мечу.

— Откуда у отставного капрала офицерский клинок?

— Трофей. Снял с мертвеца на границе.

Пауза. Сержант колебался. Листовка с портретом была в его руке, и он переводил взгляд с неё на лицо Кая, обратно, снова на лицо. Портрет был плох, описание размыто. Но что-то его беспокоило.

Кай смотрел ему прямо в глаза. Он знал эту технику — имперские офицеры проходили курс допроса. Если смотреть на человека прямо и спокойно, он подсознательно чувствует, что перед ним — не жертва. Не враг. Равный.

— Ладно, — сказал наконец сержант, сворачивая листовку. — Но советую, капрал: восстанови документы. Без них в столицу не пустят.

— Учту.

Солдаты ушли. Дверь хлопнула, впустив в зал порцию холодного воздуха. Кай медленно выдохнул и опустил взгляд в кружку.

Пиво было кислым и тёплым. Он так и не сделал ни глотка.

Ночью он лежал на тюфяке и слушал, как внизу, в общем зале, кто-то пел пьяную песню про девицу и пепельного пса. Голос был хриплый, фальшивый, но песня была длинная, и пьяница, судя по звуку, не собирался заканчивать до утра.

Кай не спал.

Он думал о листовке. О шраме. О том, что ещё день-два — и городская стража начнёт проверять таверны повторно. Сержант ушёл, но сомнение осталось. Утром он доложит началь-

ству, начальство пошлёт кого-то ещё — уже не стражу, а легионеров или, хуже того, агентов Коллегии.

Нужно было уходить. Но все ворота перекрыты. Все дороги патрулируются. Всех, кто пытается покинуть город, проверяют с особым пристрастием.

Оставался один путь — тот, о котором ему рассказал Грегор на второй день, когда Кай спросил, есть ли в городе контрабандисты.

— Есть, — сказал хозяин, не оборачиваясь. Он протирает кружки грязной тряпкой и смотрел в стену. — Но тебе не по карману.

— Сколько?

— Не в деньгах дело. Они работают только с теми кого знают. А ты — чужак.

— Как мне стать своим?

Грегор поставил кружку на полку и повернулся. Его здоровый глаз смотрел на Кая с выражением, которое тот не сразу расшифровал. Это было не любопытство, не жадность. Это было узнавание.

— Ты ведь не просто дезертир, верно?

Кай не ответил.

— Ладно, — сказал Грегор. — Я спрошу. Но ничего не обещаю.

Вечером он дал ответ. Контрабандисты согласились на встречу. Завтра, в полночь, у Старой Канализации.

Кай не знал, кто они и какую цену запросят. Но выбора не было.

Он закрыл глаза и начал считать удары сердца. Через четыре часа рассвет. Ещё через шестнадцать — встреча. Если повезёт, до следующей ночи он будет уже за городскими стенами.

Если нет — следующей ночи у него не будет.

ГЛАВА 3: КРОВЬ И ЧЕРНИЛА

Тарн, Старая Канализация. Ночь.

Кай пришёл за час до полуночи. Так требовала осторожность — проверить место, осмотреть выходы, убедиться, что встреча не ловушка. Он обошёл периметр, засёк три возможных пути отступления — переулочек с бочками, пожарную лестницу на крышу красильни, пролом в стене за старым дубом — и только после этого спустился к решётке.

Их было трое. Они ждали внутри тоннеля, в круге света от масляного фонаря, и Кай заметил их раньше, чем они его. Привычка. Он бесшумно приблизился на расстояние удара и только тогда вышел на свет.

Один из троих — молодой, с лицом, которое ещё помнило прыщи, — вздрогнул и схватился за рукоять ножа. Второй, постарше, с солдатской выправкой, положил руку ему на плечо и покачал головой. Третья — женщина — просто смотрела на Кая, не делая резких движений.

— Ты пунктуален, — сказала она. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который привык говорить тихо, но так, чтобы слышали все. — Я думала, имперские офицеры всегда опаздывают на пять минут.

— Я больше не офицер.

— Знаю.

Она шагнула вперёд, в круг света, и Кай увидел её лицо. Женщина лет тридцати пяти, с острыми скулами и серыми глазами, которые смотрели на него с выражением, неожиданным для подпольщицы. Не страх. Не подобострастие. Уважение.

— Меня зовут Вивьен, — сказала она. — Я глава местного отделения Сынов Вельгаарда. А это мои люди — Дарен и Кевин.

Молодой кивнул, всё ещё держа руку на ноже. Бывший солдат — Дарен — молча скрестил руки на груди. Он был старше Вивьен, с седыми висками и шрамом через всю щёку, какие оставляют имперские учебные клинки.

— Сыны Вельгаарда, — повторил Кай, пробуя слова на вкус. — Я слышал о вас.

— Мы слышали о тебе, — сказала Вивьен. — Все слышали. Полковник Аэн. Кандидат в Рыцари Стального Знамени. Легенда Западного фронта. Человек, который убил коменданта Сервина, не может рассчитывать на анонимность. Даже в Квартале Трёх Труб.

Кай напрягся. Вивьен заметила это и покачала головой.

— Расслабься. Мы не собираемся тебя сдавать. Наоборот. — Она помолчала. — Знаешь, сколько лет мы пытались добраться до этой крысы? Комендант Сервин. Куратор «Аурелии». Человек, который лично отбирал детей для перевоспитания. Который ломал их, делал из них оружие, а тех, кто не ломался, списывал в утиль. Мы десять лет пытались подобраться к нему. У нас были планы, явки, агенты. Ничего не вышло.

Она посмотрела Каю прямо в глаза.

— А ты просто пришёл и убил его. Один. Без поддержки, без приказа. Зачем?

Кай выдержал её взгляд.

— Это был мой наставник.

— Знаю. Потому и спрашиваю.

Тишина. Где-то в глубине тоннеля капала вода — размеренно, как метроном. Кай не ответил. Вивьен кивнула, словно молчание и было ответом.

— Ладно. Твои мотивы — твоё дело. Но ты сделал то, что не смогли сделать мы. И за это мы предлагаем сделку.

— Какую?

— Ты хочешь покинуть город. Все ворота перекрыты, дороги патрулируются, на тебя объявлен розыск. Самостоятельно ты не выйдешь. Но у нас есть пути. Мы можем переправить тебя.

— В Пеплоземье, — сказал Кай.

— Нет, — покачала головой Вивьен. — В Пеплоземье сейчас не пройти. После твоего... инцидента на границе подняли тревогу, а тут ещё твари взелись — в последние дни Пеплоходы активизировались, имперцы стянули к границе дополнительные легионы. Там сейчас усиленная охрана. Но мы можем переправить тебя на север. В Нордхейм.

Кай молчал. Нордхейм не входил в его планы. Его путь лежал на восток, к Иствинду, через Пеплоземье и Свободные Земли. Нордхейм — это крюк, лишние недели, а может, и месяцы.

Но Нордхейм — это союзники. Нордхейм — это армия. Нордхейм — это, возможно, единственный шанс дойти до Архитектора не в одиночку.

И Нордхейм — это Царь. Единственный из троих живых, кто знает правду об Эвеноре. Кто не прячет её, а хранит. Кай узнал часть этой правды — достаточно, чтобы понять, что вся его жизнь была ложью. Но полную картину он не знал. Возможно, Царь расскажет.

— Что взамен? — спросил он.

Вивьен улыбнулась — впервые за разговор, и улыбка эта была холодной, как лезвие.

— Мне нравится, что ты сразу перешёл к делу. В форте Тарн, в кабинете коменданта, лежат отчёты кадетского училища «Аурелия». Те самые, которые комендант Сервин должен был отправить губернатору сегодня утром. Он, как ты понимаешь, уже никуда их не отправит. Но отчёты остались.

— Что в них?

— Письмо министру внутренних дел. Список «неблагонадёжных элементов» в городе — тех, кого планировали арестовать в ближайший месяц. Маршруты патрулей. Пароли на следующий квартал. Вся информация, которая нужна нам, чтобы продолжить работу в Тарне после того, как ты уйдёшь.

Она помолчала и добавила:

— Ты уже убил этого человека. Ты знаешь его кабинет. Ты знаешь форт. Ты — единственный, кто может войти туда и выйти живым.

— Форт будет на осадном положении, — сказал Кай. — После убийства коменданта.

— Будет. Но там сейчас неразбериха. Комендант убит, его заместитель ещё не назначен, патрули переброшены на поиски тебя в городе. Гарнизон растянут. Мы можем отвлечь охрану у восточных ворот — устроить небольшой пожар, ничего серьёзного, но достаточно, чтобы стянуть туда людей. У тебя будет окно. Час, может, полтора.

Кай обдумывал её слова. План был рискованным. Но не более рискованным, чем сидеть в «Железном Гвозде» и ждать, пока имперская стража проверит таверну второй раз и узнает его по шраму.

— Что насчёт оружия? — спросил он. — В форте я не смогу пройти с мечом.

— У тебя и не получится, — согласилась Вивьен. — Оставь его у Грегора. В форт пойдёшь с одним ножом. Документы у тебя уже есть — сам сказал, что украли. В неразберихе никто не будет проверять тщательно.

Она протянула ему свёрток.

— Здесь план форта. Кабинет коменданта на втором этаже, восточное крыло. Сейф за портретом Архитектора — безвкусная живопись, не перепутаешь. Ключ от сейфа должен быть у дежурного офицера.

Кай взял свёрток, не разворачивая.

— Если я попадусь, — сказал он, — вы не знаете меня. Меня здесь не было.

— Само собой, — кивнула Вивьен. — Но ты не попадешься. Ты не похож на человека, который ошибается.

Она повернулась, чтобы уйти, но остановилась.

— Знаешь, — сказала она, не оборачиваясь, — когда я узнала, что ты сделал, я не могла понять: ты мстишь Империи или просто хочешь умереть?

Кай ничего не ответил.

— Наверное, и то и другое, — сказала Вивьен. — Но теперь ты работаешь на нас. А мы своих не бросаем.

Она ушла в темноту тоннеля. Двое её людей последовали за ней — Дарен молча, Кевин с последним опасливым взглядом через плечо.

Кай остался один.

Он вернулся в «Железный Гвоздь» за час до рассвета. Грегор ещё не спал — сидел за стойкой и чистил медную кружку всё той же грязной тряпкой. Он поднял глаза на Кая и ничего не спросил.

— Мой меч, — сказал Кай. — Оставь у себя. Если я не вернусь через двое суток — продай.

Грегор кивнул.

— Если не вернёшься, — сказал он, — кому передать выручку?

— Никому.

Кай поднялся в каморку, развернул план форта и начал изучать. Восточное крыло, второй этаж, кабинет коменданта. Три поста на этаже. Смена караула в полночь. Окно — одно, выходит во внутренний двор, но фасад гладкий, без выступов. Не залезть. Значит, только через дверь.

Он знал этот форт. Знал его коридоры, его запахи, его распорядок. Он провёл здесь пятнадцать лет — кадетом где из него и других детей делали оружие... Тогда он ещё верил, что служит Порядку.

Теперь он собирался ограбить этот форт. Ради людей, которые хотели этот Порядок разрушить.

Ирония не ускользнула от него.

С наступлением темноты он двинулся в путь.

Форт Тарн стоял на холме в восточной части города — массивное каменное здание, построенное ещё до Империи, но перестроенное имперскими инженерами. Четыре башни, двойные стены, гарнизон в триста человек. В сердце цитадели за второй стеной кадетский корпус "Аурелия". Сейчас, после убийства коменданта, там наверняка было неспокойно.

Кай подошёл с восточной стороны, держась в тени старой красильни. Отсюда были видны ворота форта и караульная будка. Двое стражников у входа. Ещё двое на стене.

Он ждал.

Пожар начался ровно в полночь — как и обещала Вивьен. Где-то у восточных ворот города взвился столб оранжевого пламени, послышались крики, зазвонил сигнальный колокол. Стражники на стене форта повернули головы. Один из них что-то крикнул вниз, в караульную. Через минуту от ворот форта отделился отряд — десять человек, бегом направились к месту пожара.

Окно.

Кай двинулся вдоль стены, держась в тени. Караульная будка теперь была пуста — один стражник остался у ворот, второй ушёл внутрь, поднимать тревогу. Кай обогнул угол, нашёл служебную дверь — ту самую, которой пользовались повара и уборщики, — и вошёл.

Внутри пахло варёной капустой и оружейным маслом. Где-то наверху, в казармах, гремели сапоги — гарнизон поднимали по тревоге. Кай двигался быстро, но не бежал. Бегущий человек привлекает внимание. Идущий — нет.

Восточное крыло. Лестница. Второй этаж.

У двери кабинета стоял часовой — молодой кадет, почти мальчик, с прыщавым лицом и испуганными глазами. Он явно слышал тревогу, но не знал, что делать — то ли бежать на помощь, то ли оставаться на посту.

Кай подошёл к нему уверенным шагом, как офицер.

— Доложи обстановку, — сказал он голосом, не терпящим возражений.

— Господин... — кадет вытянулся, пытаясь разглядеть знаки различия на кителе Кая, но не увидел их. — Пожар у восточных ворот, господин. Гарнизон поднят. Мне приказано оставаться на посту.

— Правильно. Ключ от кабинета.

— Но господин, приказ был никого не...

— Я — из Коллегии Тишины, — сказал Кай. — Прислан расследовать убийство коменданта. Ключ.

Глаза легионера расширились. Он судорожно полез в карман, вытащил ключ, протянул дрожащей рукой. Кай взял ключ, отпер дверь и вошёл в кабинет.

— Оставайся на посту, — бросил он через плечо. — Никого не впускать.

— Так точно!

Дверь закрылась.

Кабинет был таким же, каким Кай его помнил. Массивный дубовый стол, заваленный бумагами. Портрет Архитектора на стене — бесстрастное лицо, инженерная роба поверх мундира, в одной руке чертёж, в другой светильник. Шкаф с книгами. Сейф.

Кай отодвинул портрет. Сейф был железный, с кодовым замком. Он знал этот тип замков — имперские офицеры проходили курс взлома, потому что иногда приходилось вскрывать захваченные документы противника.

Пять цифр. Код обычно был привязан к дате. День рождения? День присвоения звания? День основания форта? Кай прикрыл глаза, вспоминая всё, что знал о коменданте Сервине.

День, когда он лично отобрал Кая из приюта.

Кай набрал дату. Замок щёлкнул.

В сейфе лежали документы. Стопка папок с грифом «Секретно», несколько конвертов с сургучными печатями, и — на самом верху — то самое письмо. «Министру внутренних дел Империи. О неблагонадёжных элементах в городе Тарн».

Кай взял папку, сунул за пазуху. Потом, секунду поколебавшись, взял и остальные. Если Вивьен получит больше, чем просила, — это укрепит их союз. А союзники ему понадобятся.

Он уже закрывал сейф, когда заметил ещё кое-что.

В глубине сейфа, под бумагами, лежал небольшой деревянный футляр. Кай открыл его.

Внутри был медальон. Серебряный, с выгравированным гербом — багряный лев на пепельно-сером поле. Герб Вельгаарда.

Он перевернул медальон. На обратной стороне было выгравировано имя: Элисса.

Кай похолодел.

Элисса. Принцесса Вельгаарда. Последняя из королевского рода, которая, по легенде, выжила при падении столицы и чьи потомки основали движение Сынов Вельгаарда. Комендант Сервин хранил её медальон. Как трофей. Как символ того, что род Вельгаардов был сломлен.

Кай сунул медальон в карман. Об этом он подумает позже.

Он закрыл сейф, вернул портрет на место и вышел из кабинета.

— Доложите, если будут новости, — бросил он кадету. — Я закончил.

— Так точно, господин!

Кай спустился по лестнице, вышел через служебную дверь и растворился в темноте.

К рассвету он был у Старой Канализации. Вивьен ждала его — одна, без сопровождения.

— Принёс?

Он протянул ей папку. Вивьен открыла её, пробежала глазами по строчкам, и на её лице медленно проступила улыбка.

— Это всё, что нам нужно, — сказала она. — Ты сделал больше, чем я просила. — Она подняла глаза. — Мы этого не забудем.

— Там было ещё кое-что, — сказал Кай.

Он достал медальон и показал ей. Улыбка исчезла с лица Вивьен. Она смотрела на медальон так, как смотрят на призрака.

— Откуда... — прошептала она. — Откуда это у тебя?

— В сейфе. Вместе с документами.

Вивьен взяла медальон дрожащими пальцами. Перевернула его. Прочитала имя. Её лицо стало белым, как пепел.

— Это медальон принцессы Элиссы, — сказала она. — Младшей дочери последнего короля. Той, что выжила и основала наш род. От неё пошёл род Принца Лорена. Он считался утерянным. Мы думали, он сгорел в королевском дворце.

Она подняла на Кая глаза, полные слёз.

— Комендант хранил его. Как трофей. Как символ того, что наш род сломлен.

Кай молчал.

— Ты не просто убил его, — сказала Вивьен. — Ты вернул нам святыню.

Она спрятала медальон за пазуху. Потом достала из кармана что-то ещё. Маленькую монету — но не серебряную, не медную. Стальную, с выгравированным багряным львом на пепельно-сером поле.

— Это монета Сынов Вельгаарда, — сказала она, вкладывая её в ладонь Кая. — Такие есть только у наших. Если тебе понадобится помощь — покажи её в любой захудалой таверне Вельгаарда. Тебя узнают. Тебе помогут.

Кай посмотрел на монету. Лев смотрел на него, и в его оскале было что-то, от чего мурашки бежали по коже. Наследие мёртвого королевства.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. — Вивьен выпрямилась. — Мы переправим тебя в Нордхейм. Завтра, с первым караваном. Это лучшие контрабандисты, они знают тайные тропы через перевалы. Иди, готовься. Ты заслужил.

Кай развернулся и пошёл обратно в город.

За спиной у него занимался рассвет.

Он вернулся в «Железный Гвоздь» и забрал у Грегора свой меч.

— Я думал, ты не вернёшься, — сказал трактирщик.

— Я тоже, — сказал Кай.

Он поднялся в каморку и сел на тюфяк. Медальон Элиссы. Монета Сынов Вельгаарда. Нити сплетались в узел, и Кай чувствовал, что этот узел затягивается вокруг него.

Но сейчас это не имело значения.

Завтра он уходил на север. В Нордхейм.

Он закрыл глаза. Четыре часа сна. Тело требовало отдыха.

Сон пришёл, как всегда, без предупреждения.

Он стоял на каменной лестнице. Вокруг горел город — не имперский, не вельгаардский. Он не знал этого города. Высокие башни, ажурные мосты, купола, светящиеся изнутри. Эвен-Таэр. Город, которого больше нет.

По лестнице спускались воины. Около двадцати человек в багряных доспехах. Королевская гвардия Вельгаарда. Они отступали, прикрывая кого-то в центре строя. Маленькую фигурку в разорванном платье. Девочку. Она плакала.

— Держать строй! — крикнул командир. Его голос был хриплым, надтреснутым, но в нём звучала сталь. — Первый взвод — прикрывайте лестницу! Второй — уводите принцессу!

Воины подчинились. Двенадцать человек окружили девочку и повели её вниз, в темноту подземного хода. Остальные остались на лестнице.

Имперцы наступали. Их было сто — элитные легионеры в полном доспехе, с имперскими клинками, которые горели синим огнём. Они шли молча, без криков, без угроз. Профессионалы.

Командир гвардии шагнул вперёд. Он снял шлем — молодое лицо, русые волосы, шрам через левую щеку — и бросил его на ступени.

— За Вельгаард, — сказал он негромко.

Девять гвардейцев встали рядом с ним.

— За Вельгаард, — повторили они.

И бросились навстречу сотне.

Кай проснулся в холодном поту.

Сердце колотилось. Он сел на тюфяке, провёл ладонью по лицу. Сон уже уходил, рассыпался, как пепел на ветру, но одно осталось. Имя. Он знал это имя. Командир гвардии. Тот, что остался на лестнице. Айдан Вельгард. Брат короля. Командор Королевской Гвардии. Пал при защите столицы, прикрывая отступление принцессы Элиссы.

Кай не знал, откуда пришли эти слова. Они просто были у него в голове, как будто он прочитал их в книге, которую никогда не открывал.

Он посмотрел на свою ладонь. На ту самую, что держала медальон. Может быть, это. Может быть, медальон хранил память. А он... чувствовал такие вещи.

Караван ждал на северной окраине — старый склад у реки, где контрабандисты держали перевалочную базу. Три крытых фургона, запряжённых лохматыми горными лошадьми, и десяток людей — возчики, охрана, двое подростков, которых, судя по всему, отправляли к родственникам за город.

Вивьен ждала у головного фургона. При свете дня она выглядела старше, чем в тоннеле — морщины в уголках глаз, седая прядь в волосах. Но спина прямая, взгляд цепкий.

— Пришёл, — сказала она. — Хорошо. Я думала, передумаешь.

— Я не передумываю.

— Знаю. Поэтому и пришла лично.

Она протянула ему мешочек. Кай взвесил его в руке — серебро, несколько десятков монет.

— Здесь немного. Пара нордхеймских крон, остальное — наша чеканка. В Нордхейме серебро в ходу, должно хватить на первое время. И монета, — она кивнула на его карман, — всегда при тебе. На самый крайний случай.

Кай кивнул.

— Я хотел спросить, — сказал он. — О медальоне.

Вивьен насторожилась.

— Что?

— Мне снился сон. Вернее... не сон. Я держал медальон, а потом увидел битву. Лестницу. Гвардейцев. Принцессу Элиссу. И командира. Он крикнул: «За Вельгаард». И бросился на имперцев с девятью гвардейцами против сотни.

Вивьен побледнела.

— Командир, — продолжил Кай. — Его звали Айдан. Айдан Вельгард. Брат короля.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она. — Этого не может быть. Никто не знает подробностей. Только Магистр Орвин восстановил картину по архивам. Это не публиковалось. Это тайна.

— Я не знаю, — сказал Кай. — Но я видел. И я слышал его голос.

Он достал монету, повертел в пальцах. Потом посмотрел на Вивьен.

— Я чувствую такие вещи. Иногда. Когда прикасаюсь к старым предметам. Я не знаю, почему.

Вивьен долго смотрела на него. Потом медленно кивнула.

— Ты не просто дезертир, — сказала она. — Ты — Прядильщик. Или что-то большее. — Она покачала головой. — Неважно. Ты задал вопрос — слушай ответ.

Она прислонилась к борту фургона.

— Айдан Вельгард. Младший брат короля, командор Королевской Гвардии. Лучший меч своего поколения. Когда столица пала и имперцы ворвались во дворец, он собрал остатки гвардии — и вывел принцессу Элиссу через подземный ход. Имперцы настигли их у выхода, на лестнице. Айдан приказал двенадцати гвардейцам уводить принцессу, а сам остался с девятью. Против сотни.

— Он погиб.

— Все погибли. Но принцесса ушла. Её вывезли из города, спрятали. Она выжила. Родила детей. Её потомки — Принц Лорен и всё наше движение. — Вивьен подняла на Кая глаза. — Ты видел последний бой Айдана Вельгарда, который никто не видел полтора века. Если это правда... если это не просто сон...

— Это правда, — сказал Кай. — Я не знаю, почему. Но это правда.

Вивьен долго смотрела на него. Потом вдруг усмехнулась — нервно, недоверчиво.

— Знаешь, когда Принц Лорен услышит об этом, он захочет с тобой встретиться. А он редко хочет с кем-то встречаться.

— Мне нужно в Нордхейм, — сказал Кай.

— Знаю. — Она выпрямилась. — И караван ждёт.

Она протянула руку. Кай, секунду поколебавшись, пожал её.

— Удачи, Кай. Или что там говорят в таких случаях.

— Спасибо, — сказал Кай.

Он забрался в фургон, кивнув вознице. Лошади тронулись, и колеса зазаскрипели по пыльной дороге.

Вивьен осталась стоять на обочине, провожая их взглядом. Когда фургон скрылся за поворотом, она всё ещё стояла там.

ГЛАВА 4: ДОРОГА НА СЕВЕР

Северный тракт, предгорья Стылых Перевалов. Третий день пути
Снег начался на вторые сутки.

Сначала это была просто крупа — мелкая, колючая, которую ветер швырял в лицо, как песок. Потом повалили хлопья — густые, влажные, они оседали на плечах, на гривах лошадей, на брезентовых тентах фургонов. К исходу третьего дня земля стала белой, и только колёса каравана оставляли за собой две чёрные полосы — единственное напоминание о том, что под снегом ещё есть дорога. Кай сидел на козлах головного фургона, рядом с Джоном, и смотрел вперёд. Вершины Стылых Перевалов уже не прятались за горизонтом — они вставали прямо перед ними, сизые и острые, как зубы мёртвого бога. Где-то там, в складках этих гор, прятался Нордхейм.

Он думал о медальоне.

Медальон остался у Вивьен. Он сам отдал его — вернее, вернул. Но воспоминание о прикосновении серебра к ладони всё ещё жгло кожу. И сон — сон не уходил. Айдан Вельгард, командор, брат короля, погибший на лестнице, прикрывая отступление принцессы. Его лицо стояло перед глазами Кая, как живое.

Сколько лет он служил Империи? Пятнадцать лет в корпусе, ещё семь — в действующей армии. Двадцать два года он повторял имперский девиз. Из пепла — порядок, из порядка — жизнь. Его вдалбливали в него с детства, с первой линейки, с первого строевого шага. Он повторял его перед боем, перед казнями, перед сном. Он верил в него.

Теперь его передёрнуло.

— Ты что, замёрз? — спросил Джон, покосившись на него. — Мы же даже границу ещё не пересекли. Не бывал на севере?

— Нет, — сказал Кай, и это было правдой. Он служил на западной границе, в Пеплоземье, в Вельгаарде. На севере его не ждали. — Просто вспомнил кое-что. Неприятное.

Джон хмыкнул и затыкнулся трубкой. Дым смешивался с паром дыхания, и казалось, что он выдыхает облака.

— Я был слышан о тебе, — сказал он. — Полковник Аэн. Легенда Западного фронта. Кандидат в Рыцари. Самый молодой полковник в истории Империи.

Кай поперхнулся водой из фляги.

— Для контрабандиста ты слишком болтлив, — сказал он, вытирая рот.

— Работа такая. — Джон пожал плечами. — Возишь грузы, слушаешь разговоры. А про тебя много говорили. Говорили, ты не спишь. Говорили, ты чувствуешь тварей раньше, чем они появляются. Говорили, ты — будущий Рыцарь.

— Говорили много. Я — просто хороший солдат.

— Просто хороший солдат не убивает коменданта «Аурелии» в одиночку.

Кай не ответил.

Дорога пошла вверх, и лошади замедлили шаг. Джон прикрикнул на них, щёлкнул вожжами, и фургон снова набрал ход.

— Так что тебя заставило? — спросил он через некоторое время. — Пойти на такое? У тебя была карьера. Рыцарство. Власть. Всё. Ты бросил это.

— А тебе какая разница?

— Просто интересно. А дорога длинная.

Кай долго молчал. Джон не торопил. Он просто курил и смотрел на дорогу, и снег падал на его плечи, и трубка мерно светилась в сгущающихся сумерках.

— Правда, — сказал наконец Кай. — Я узнал правду.

— Какую правду?

— Об Эвеноре. О том, с чего началась эта война. Империя построена на лжи. Вся наша история — ложь. Я служил этому двадцать два года. Я убивал ради этого. Я стал лучшим ради этого. А потом я увидел документ, который не должен был видеть. И понял: всё, во что я верил, — пепел.

Джон молчал. Трубка в его руке замерла.

— И что теперь?

— Теперь я иду в Нордхейм. К Царю. Он — один из немногих, кто знает полную правду. Я хочу услышать её от него. А потом я пойду в Иствинд и убью Архитектора.

— Это самоубийство.

— Возможно.

Джон выпустил дым и покачал головой.

— Ты странный человек, полковник Аэн. У тебя было всё. Ты бросил всё. Ради правды.

— Ради свободы.

— Свобода и правда — не одно и то же.

— Знаю. Но одно без другого не работает.

Они замолчали. Караван двигался вперёд, к вершинам гор.

Они были в пути уже два дня. Дорога петляла между предгорьями, поднимаясь всё выше и выше. Ветер усилился — теперь он дул не порывами, а ровным, непрекращающимся потоком, который пробирал до костей. Контрабандисты кутались в меховые плащи, накидывали поверх шапок капюшоны, но всё равно мёрзли.

Кай не мёрз. Он вообще редко чувствовал холод — ещё одна странность, к которой он привык и которую перестал замечать.

На вторую ночь они остановились у старого охотничьего домика — покосившейся избушки, сложенной из горного камня. Внутри было холодно, но хотя бы не дуло. Развели огонь в очаге, сварили похлёбку из сушёного мяса и корней. Кай, как обычно, не спал. Он сидел у огня и смотрел в пламя, пока остальные устраивались на ночлег.

Четыре часа сна — это уже роскошь, думал он. Можно просто сидеть и думать.

На третье утро они пересекли границу. Никаких застав, никаких столбов — просто в какой-то момент дорога перестала быть имперским трактом и стала горной тропой. Снег здесь лежал нетронутый, и колёса фургонов проваливались в него по ступицу.

— Добро пожаловать в ничьи земли, — сказал Джон. — Дальше — только горы.

Они шли окольными путями — теми самыми, о которых знали только контрабандисты и горные козлы. Тропа петляла между скал, ныряла в ущелья, карабкалась по осыпям. Дважды они видели вдалеке имперские патрули — серые точки на фоне белого склона, — но те их не замечали. Джон знал своё дело.

К вечеру третьего дня они встали лагерем у подножия ледника. Впереди был самый трудный участок пути — Козий Перевал, узкая тропа над пропастью, где фугоны приходилось разгружать и вести лошадей по одной.

— Завтра будем на месте, — сказал Джон, раскуривая трубку. — Если не сорвёмся в пропасть. Или если нас не сожрут.

— Твари?

— Ага. Тут их немного, но иногда встречаются. Пепельные Псы, правда, сюда не заходят — холодно. А вот Глубинные... — Он покачал головой. — Один раз видел. Здоровый, как медведь, и глаза светятся. Но он нас не тронул. Просто стоял и смотрел.

— Глубинный, — повторил Кай. — Ты уверен?

— А ты когда-нибудь видел обычную тварь, которая просто стоит и смотрит?

Кай не ответил. Он думал о своих странностях — о бессоннице, о голосах, о снах. Почему он такой? Ответа не было. Может быть, это просто последствия службы. Может быть, что-то

сломалось в нём ещё в детстве, в кадетском корпусе. А может быть, причина глубже — в том, чего он о себе не знал.

Он отогнал эти мысли. Сейчас важнее было другое — перевал, Нордхейм, союзники.

Ночью Кай снова не спал. Он сидел у костра, закутавшись в плащ, и смотрел на звёзды. Здесь, в горах, они были ярче, чем внизу — холодные, колючие, равнодушные. Такие же, как Империя.

Он думал о том, что сказал Джону. Я узнал правду. Он никогда не формулировал это так раньше. Мечь — это было просто. Мечь — это была цель, которую можно измерить в километрах и трупах. Но правда — правда была сложнее. Она не давала ответов. Она только множила вопросы.

Быть человеком? Он не был уверен, что когда-либо был им.

Быть свободным? Свобода для него пока что означала только отсутствие приказов. Но что делать со свободой, он не знал.

Быть сыном? Он не помнил матери — только холод, серые стены и чувство, что его оставили. Отца он не знал вовсе. В имперских документах в графе «происхождение» стоял прочерк. Сирота. Без роду, без племени, без прошлого.

Быть... никем? Может быть, это и есть свобода.

Но где-то глубоко, под слоями дисциплины и гнева, теплилось странное чувство — смутное, неоформленное. Чувство, что он не просто сирота. Что его странности — бессонница, голоса, сны о чужих смертях — имеют причину. Что он отличается от других не потому, что его лучше тренировали, а потому, что он другой с самого начала.

Он не знал ответа. Но надеялся, что Нордхейм поможет его найти.

Костёр догорал. В фургоне храпели контрабандисты. Где-то вдалеке, на границе слышимости, завывал ветер — или не ветер. Кай прислушался. Вой повторился, и на этот раз он различил в нём ноту, которая не принадлежала стихии.

Он замер, вслушиваясь. Звук был низким, вибрирующим, почти на пределе человеческого слуха. Такой он слышал однажды в Пеплоземье, перед тем как из тумана вышли Плачущие Клинки.

Но здесь, в горах, Плачущих Клинков быть не могло. Слишком холодно. Слишком высоко.

Звук повторился. И на этот раз его услышал не только Кай.

Джон, дремавший у соседнего костра, открыл глаза.

— Что это? — спросил он, и в его голосе не было страха — только настороженность профессионала.

— Не знаю, — ответил Кай, не отрывая взгляда от темноты. — Но оно там.

Джон поднялся, потянулся к арбалету. Двое контрабандистов, спавших в фургоне, проснулись от его движений и тоже схватились за оружие.

Вой повторился в третий раз — ближе. И теперь Кай узнал его.

Это был не ветер. И не зверь. Это было что-то другое. Что-то, что не должно было звучать в этих горах.

А потом наступила тишина. Полная. Абсолютная. Даже ветер стих, будто прислушиваясь. Они сидели, не двигаясь, целую минуту. Две. Три.

Вой не повторился.

— Ушло, — сказал Джон. Но арбалет не опустил.

— Нет, — ответил Кай. — Оно ждёт.

На четвёртое утро они начали подъём на перевал.

Это была самая опасная часть пути. Тропа шириной в три локтя вилась над пропастью. Слева — отвесная скала, справа — пустота, затянутая облаками. Лошади шли осторожно, всхрапывая и косясь на обрыв. Контрабандисты спешили и вели их под уздцы.

Кай шёл последним. Он смотрел вперёд — туда, где за пеленой снега и тумана угадывались очертания гор.

Он всё ещё чувствовал это.

Что-то смотрело на них. Что-то, что не было зверем. Что-то, что знало его имя.

Он остановился на секунду и обернулся.

Снег. Камень. Туман.

Никого.

Но чувство не проходило. Тяжёлое, холодное, как взгляд ледяных глаз между лопаток.

— Ты идёшь? — окликнул его Джон.

— Да, — сказал Кай, отворачиваясь от пропасти. — Иду.

Он двинулся дальше, но спину не распрямлял.

Нордхейм был где-то там, впереди. Земля, которую Империя не смогла покорить. Земля, где его ждали ответы на вопросы, которые он боялся задать. Или враги, которых он ещё не знал. Или и то, и другое.

Перевал ждал. И то, что пряталось в тумане, — тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.